

ПРОЧИТАВШЕМУ —
СМЕРТЬ

ГЛАВА 1

В тот зябкий январский вторник случилось нечто из ряда вон выходящее. Инспектор Кремер, не договорившись о встрече, нагрянул около полудня в старый, из бурого песчаника, особняк Ниро Вулфа на Западной Тридцать пятой улице и, пройдя вслед за мной в кабинет, обменялся приветствиями с Вулфом, уселся в красное кожаное кресло и без обиняков выпалил:

— Я заскочил попросить о маленьком одолжении.

Самое поразительное, что он сам это признал. Я исторг сдавленный стон и едва не свалился со стула. Кремер ожег меня пронизывающим взглядом и спросил, не заболел ли я.

— Нет, сэр, — учтиво ответил я. — Я здоров как бык. Но вы только что ошарашили меня. Вы столько раз, приходя за одолжением, пытались взять его силой или выколотить, что теперь я просто потрясен. Ну да ладно, — великодушно отмахнулся я, — кто старое помянет...

Лицо инспектора, и без того красное, побагровело еще больше. Широкие плечи напряглись, а серо-голубые глаза прищурились, отчего резче обозначились разбегавшиеся паутинкой морщинки. Но, видно, решив, что я валяю дурака, он сдержался.

— Знаете, кого бы я не прочь порасспросить на ваш счет? — поинтересовался он. — Дарвина. Чем вы занимались, пока обезьяна превращалась в человека?

— Хватит ссориться, — пробормотал из-за своего стола Вулф.

В его голосе угадывалось раздражение. Вулф готов был спокойно созерцать, как мы с Кремером вцепимся друг другу

в физиономии, но совершенно не выносил, когда его отрывали от разгадывания кроссворда в лондонской «Таймс».

— О каком одолжении, сэр? — нахмурившись, спросил он.

— Сущий пустяк. — Кремер мигом успокоился. — Кое-что в связи с одним убийством. Неделю назад из Ист-Ривер возле Девяностой улицы выловили труп утопленника. Его звали...

— Леонард Дайкс, — бесцеремонно перебил инспектора Вулф, пытаясь побыстрее покончить с этим делом, чтобы успеть разгадать кроссворд до ланча. — Доверенный делопроизводитель в юридической конторе, лет сорока, пробыл в воде около двух дней. Имеются признаки сильного удара по голове, но смерть наступила от попадания воды в легкие. До вчерашнего вечера обвинения еще никому не предъявили. Я читаю все новости об убийствах.

— Еще бы! — по привычке буркнул Кремер, но тут же спохватился, что поступил нетактично, и поспешил исправиться, широко улыбнувшись; он умел улыбаться, когда хотел. — Мало того что преступник не найден, нам даже уцепиться не за что. Мы сделали все, как положено, сами знаете, и зашли в тупик. Жил он один в крохотной квартирке в доме без лифта на Салливан-стрит. Квартиру успели обыскать до нас. Не перевернули все вверх дном, но прочесали как следует. Ничего важного мы не нашли, но вот одна вещица, возможно, могла бы помочь, сумей мы разгадать ее смысл. — Он выудил из внутреннего кармана пиджака какие-то бумаги, выбрал из них конверт и достал из него сложенный пополам листок. — Мы нашли его в книге, в романе. Могу сказать, как называется роман и между какими страницами был заложен листок, но вряд ли это важно. — Кремер встал и передал листок Вулфу. — Взгляните.

Вулф пробежал листок глазами, а поскольку мне полагалось быть в курсе всех дел, чтобы Вулф в случае чего мог свалить вину на меня, я поднялся и протянул руку. Он отдал листок мне.

— Почерк Дайкса, — добавил Кремер. — Листок вырван из блокнота, найденного на письменном столе. Такие же блокноты лежат в ящике стола.

Я кинул взгляд на листок. Обычная белая бумага, шесть дюймов на девять, наверху аккуратным, почти прямым почерком написано и подчеркнуто слово «варианты». Далее следовал список имен:

Синклер Мид
Синклер Сэмпсон
Барри Боуэн
Дэвид Йеркс
Эрнест Винсон
Дориан Вик
Бэйрд Арчер
Оскар Шифф
Оскар Коудли
Лоренс Маккью
Марк Маккью
Марк Флик
Мак Флик
Луи Гилл
Льюис Гилл

Я вернул листок Кремеру и уселся на свой стул.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил Вулф.

— Мне было по пути, и я решил: заскочу к вам и покажу его. — Кремер сложил листок и спрятал его в конверт. — Не то чтобы я очень рассчитывал на вашу помощь — возможно, перечень имен не имеет к убийству никакого отношения, — но что-то задело меня за живое, и я решил заглянуть, спросить ваше мнение. Дайкс написал пятнадцать имен, но ни одно из них не числится в нью-йоркских телефонных справочниках! Или каких-либо иных. Нигде не зарегистрирован человек под таким именем. Никто из друзей или коллег Дайкса, по их словам, не слышал о людях с такими именами. Я имею в виду имена вместе с фамилиями, как в списке. Ко-

нечно, по всей стране мы не искали, но Дайкс был урожденным и потомственным ньюйоркцем и, насколько нам известно, здесь и жил. Где он откопал эти имена, черт побери?!

— Он их выдумал, — буркнул Вулф. — Выбирал псевдоним для себя или кого-то еще.

— Об этом мы, естественно, подумали. Но сколько ни искали, нигде ничего подобного не встретили.

— Продолжайте искать, если надеетесь, что овчинка выделки стоит.

— Да, конечно. Но мы всего лишь простые смертные, и я прикинул: дай-ка покажу список гению и посмотрю, что из этого выйдет. Гении ведь непредсказуемы.

— Очень жаль, — пожал плечами Вулф. — Ничего не вышло.

— Что ж, прошу прощения... — Кремер встал; он явно был раздосадован, но его нельзя было в этом винить, — что отнял у вас столько времени, да еще и задаром. Не беспокойтесь, Гудвин, я найду дверь сам. — Он повернулся и вышел из кабинета.

Вулф склонился над кроссвордом, нахмурил брови и взял со стола карандаш.

ГЛАВА 2

Кремер не зря съехидничал. Вулф терпеть не мог тратить свое драгоценное серое вещество на то, что именовал работой, и за все годы, что я состоял у него на жалованье, как правило, лишь щедрый задаток заставлял его впрячься в работу. Но Вулф отнюдь не бездельник. Да и может ли он бить баклуши, когда на свой доход частного детектива ему приходится содержать наш старый особняк с оранжереей под крышей, где под присмотром Теодора Хорстмана выращиваются орхидеи, и Фрица Бреннера, который готовит лучшие блюда во всем Нью-Йорке, и меня, Арчи Гудвина, который выпрашивает прибавку к жалованью всякий раз, когда приобретает

новый костюм, и время от времени добывается своего. Как ни крути, но в месяц выходит тысяч десять, а то и больше.

Весь январь и первую половину февраля дела шли не так уж успешно, если не считать нескольких мелких случаев, когда наши с Вулфом роли сводились к инструктированию Сола Пензера, Фреда Даркина и Орри Кэтера, да еще одной заварушки с участием банды похитителей мехов, когда в нас с Фредом стреляли. Потом, когда с того дня, как Кремер заскочил показать список гению и ушел ни с чем, прошло почти полтора месяца, утром в понедельник позвонил некий Джон Р. Уэллман с просьбой принять его, и я назначил ему на шесть вечера. Он явился на несколько минут раньше. Я провел его в кабинет, усадил в красное кожаное кресло дожидаться, пока Вулф не спустится из оранжереи, придвинул ему под правую руку маленький столик для удобства, а вдруг посетитель захочет черкануть пару строк, скажем, в чековой книжке. Джон Р. Уэллман был приземист, лысоват, с брюшком и носом пуговкой, на котором с трудом удерживались очки без оправы. Простой серый костюм и скромная рубашка с галстуком придавали гостю не слишком респектабельный вид, но он сообщил по телефону, что занимается оптовой торговлей бакалейными товарами в Пеории, штат Иллинойс, и я успел выяснить состояние его дел в банке. Мы бы не отказались принять от него чек, если до этого дойдет, конечно.

При появлении Вулфа Уэллман встал и протянул руку. Порой Вулф заставляет себя скрыть свою неприязнь к обмену рукопожатиями с незнакомцами, а иногда и не скрывает ее. На этот раз он свершил над собой насилие, после чего обогнул угол стола и поместил свою тушу весом одну седьмую тонны в единственное подходящее для нее кресло на всем белом свете. Он положил руки на подлокотники, откинулся на спинку кресла и посмотрел на посетителя:

- Слушаю, мистер Уэллман.
- Я хочу нанять вас, — сказал Уэллман.
- Для чего?
- Я хочу, чтобы вы нашли... — Голос его прервался, а подбородок мелко-мелко задрожал; Уэллман потряс головой,

словно отгонял мух, снял очки, вытер кончиками пальцев уголки глаз и снова нацепил очки, с трудом приладив их на место. — Боюсь, я не очень владею собой, — извинился он. — Я сильно недосыпаю в последнее время и устал. Я хочу, чтобы вы нашли убийцу моей дочери.

Вулф метнул на меня быстрый взгляд, и я извлек блокнот и ручку. Уэллман не сводил с Вулфа глаз, а я его не интересовал.

— Когда, где и как она умерла? — спросил его Вулф.

— Она погибла под колесами машины в Ван-Кортланд-парке семнадцать дней назад. В пятницу вечером, второго февраля. — Уэллман взял себя в руки. — Я хотел бы рассказать вам о ней.

— Я слушаю.

— Мы с женой живем в Пеории, штат Иллинойс. Я открыл там дело больше двадцати лет назад. У нас был единственный ребенок, наша дочь Джоан. Мы очень... — Он вновь замолчал и какое-то время сидел неподвижно, глядя прямо перед собой. — Мы очень гордились ею, — продолжил он. — Четыре года назад она окончила с отличием колледж Смит и устроилась на работу в редакционный отдел издательства «Шолл энд Ханна». Ею были довольны. Об этом мне сказал сам Шолл. В ноябре ей исполнилось двадцать шесть. — Он бессильно всплеснул руками. — Глядя на меня, не подумаешь, что моя дочь может быть красавицей, но это так. Она была прелестна, моя дочурка, все говорили, и голова у нее была светлая. — Из бокового кармана он вынул пухлый конверт. — Сейчас я вам покажу. — Он встал и передал конверт Вулфу. — Здесь с десяток самых лучших ее фотографий. Я приготовил их для полиции, но им они не потребовались, а вам, быть может, пригодятся. Взгляните сами.

Вулф протянул мне один из снимков, я встал и взял его. Красавицей в истинном смысле слова я бы ее не назвал, но если фото и впрямь походило на оригинал, то Джоан Уэллман была довольно интересной девицей. Подбородок, на мой вкус, великоват, но глаза и лоб и впрямь что надо.

— Она была красавицей, — повторил Уэллман и снова замолчал.

Вулф совершенно не выносил, когда люди преувеличивают.

— Я просил бы вас избегать таких слов, как «красавица» и «гордились», — проворчал он. — Нам нужны только бесстрастные факты. Вы хотите нанять меня, чтобы выяснить, кто сидел за рулем той машины?

— Я просто глупец, — вдруг произнес Уэллман.

— Тогда не нанимайте меня.

— Я не то имел в виду. Просто я несу всякий вздор, вместо того чтобы изложить вам суть дела. Сейчас. — Губы у него снова дрогнули, но он овладел собой. — Вот как было дело. Две недели назад, в субботу, мы получили телеграмму с извещением о смерти Джоан. Мы доехали на машине до Чикаго и оттуда вылетели в Нью-Йорк. Мы видели ее тело. Автомобиль переехал прямо через нее, а на голове, над правым ухом, была большая ссадина. Я говорил и с полицейскими, и с врачом, который освидетельствовал тело. — Уэллман уже полностью взял себя в руки. — Я не верю, что Джоан могла гулять в столь уединенном районе парка, в стороне от главной дороги, в такой холодный зимний вечер, и моя жена тоже не верит. И откуда у нее на голове эта ссадина? Не машина же ее ударила. Врач предполагает, что она ударилась при падении, но это очень сомнительно. По-моему, он и сам настроен скептически. В полиции меня уверяют, что занимаются нашим делом, но я им не верю. Думаю, они считают это обычным случайным наездом и все усилия сосредоточили на поисках машины. Я же убежден: мою дочь убили. Я даже могу назвать имя убийцы.

— Вот как? — Вулф слегка вскинул брови. — Вы сказали об этом в полиции?

— Конечно. Но они только кивали и заверяли, что занимаются этим. Они ни на шаг не продвинулись, да и не продвнутся. Вот я и решил прийти к вам...

— У вас есть доказательства?

— Я считаю, что да, а полицейские, видно, нет. — Он вынул из внутреннего кармана пиджака конверт. — Джоан писала домой практически каждую неделю. — Он достал из конверта листок бумаги и развернул его. — Это копия, которую я напечатал, оригинал остался в полиции. Письмо датировано первым февраля. Я зачитаю только выдержку: «Еще хочу вам сказать, что завтра у меня необычное свидание. Поскольку теперь по решению мистера Ханна мы несем личную ответственность за отклонение рукописей, кроме разве что откровенной халтуры, а большинство рукописей таковой и являются, я возвращаю многие произведения авторам вместе с отпечатанной запиской, на которой стоит моя подпись, так уж у нас заведено. Осенью я возвратила рукопись романа некоему Бэйрду Арчеру и позабыла даже думать о ней, как вдруг вчера мне позвонил в издательство человек, назвалса Бэйрдом Арчером и спросил, помню ли я свое сопроводительное послание, и я ответила, что помню. Он спросил, читал ли еще кто-нибудь его рукопись, я ответила, что нет, и тогда он сделал мне потрясающее предложение! Он сказал, что готов платить двадцать долларов в час, если я соглашусь обсудить с ним роман и внести в рукопись поправки! Как вы на это смотрите? Даже если работа займет всего пять часов, я заработаю лишнюю сотню, хотя она у меня долго не залежится, ведь вы знаете свою дочь, мои обожаемые и любящие родители. Встреча назначена на завтрашний вечер, сразу после работы». — Уэллман зашуршал письмом. — Письмо написано...

— Могу я взглянуть? — Глаза Вулфа странно блестели.

Видно, что-то в письме Джоан Уэллман его вдохновило, но, получив листок из рук Уэллмана, он лишь мельком взглянул на него и передал мне. Я внимательно прочитал письмо, стараясь в то же время не упустить ничего важного из разговора.

— Письмо написано, — продолжил Уэллман, — в четверг, первого февраля. Свидание с этим мужчиной было назначено на следующий вечер, в пятницу, после работы. А ранним

утром в субботу ее тело нашли на безлюдной аллее в Ван-Кортланд-парке. Разве есть сомнения в том, кто убийца?

Вулф откинулся на спинку кресла:

— Ничто не указывало на возможность изнасилования? Свидетельств насилия не обнаружили?

— Нет. — Уэллман закрыл глаза и сжал ладони в кулаки; совладав с чувствами, он открыл глаза. — Ничего подобного не было. Никаких следов насилия.

— А что говорят в полиции?

— Они пытаются разыскать этого Арчера, но не могут. Он как в воду канул. Они говорят, им не за что ухватиться. Я думаю...

— Вздор! Конечно им есть за что ухватиться. В издательствах имеются архивы. Он прислал рукопись осенью и получил назад вместе с запиской от вашей дочери. А вот как получил и по какому адресу?

— Рукопись отправили по почте на тот адрес, что он оставил: почтовое отделение Клинтон-Стейшн, до востребования. Это на Западной Десятой улице. — Уэллман разжал кулаки. — Я не хочу сказать, будто полицейские умыли руки. Быть может, они делают все, что в их силах, но за семнадцать дней они не продвинулись ни на шаг, и мне не понравилось, как они разговаривали вчера и сегодня утром. Похоже, они не хотят получить еще одно нераскрытое убийство и предпочитают называть его непредумышленным убийством, то есть надеются свести все к случайному наезду. Я мало знаком с методами нью-йоркской полиции, но, как по-вашему, от них ведь можно такого ожидать?

— Вполне возможно, — проворчал Вулф. — Так вы хотите, чтобы я доказал, что вашу дочь убили, и нашел убийцу?

— Да. — Уэллман вдруг смешался, открыл было рот и закрыл его, потом взглянул на меня, затем перевел взгляд на Вулфа. — Мистер Вулф, я признаю, что мной движет желание свести счеты. Я понимаю: это грешно и безнравственно. Моя жена и пастор нашего прихода так говорят. На прошлой неделе я был дома, и они мне это сказали. Грешно замысливать мщение, но вот я здесь и ничего не могу с собой поде-

лать. Пусть даже это случайный наезд, но полиция все равно не найдет убийцу, а потому я твердо решил, что не вернусь в Пеорию и не возьмусь за дела до тех пор, пока убийца не будет разоблачен и не получит свое. У меня довольно прибыльное дело и собственность кое-какая имеется, но я согласен разориться и умереть нищим, лишь бы найти подлого негодяя, который убил мою дочь. Быть может, не стоит так говорить. Все же я вас не слишком хорошо знаю, разве что по репутации. Вы можете и отказаться работать на человека с такими греховными помыслами, но я не хотел кривить душой.

Уэллман снял очки и принялся протирать их носовым платком. Это меня тронуло. Он не хотел смущать Вулфа и смотреть ему в глаза, пока Вулф принимает решение, браться ли за дело, которое предлагает такой закоренелый негодяй, как Джон Р. Уэллман из Пеории, штат Иллинойс.

— Я тоже буду откровенен, — сухо сказал Вулф. — Мотив мести как таковой не имеет значения, когда я решаю, браться за дело или отказать. Но своим признанием вы допустили ошибку. И если я намеревался просить у вас задаток в две тысячи долларов, то теперь повышаю сумму до пяти тысяч. Но не просто для того, чтобы это послужило вам уроком. Поскольку полиция за целых семнадцать дней ничего не нашла, нам придется потратить немало средств и усилий. Еще несколько вопросов, и я готов буду приступить.

— Я не хотел кривить душой, — повторил Уэллман.

Когда полчаса спустя он ушел, его чек остался на моем столе под пресс-папье вместе с копией последнего письма Джоан Уэллман, а мой блокнот обогатился новыми сведениями, которых вполне хватало, чтобы Вулф мог, как он выразился, приступить к делу. Провожая Уэллмана, я вышел с ним в прихожую и помог надеть пальто. Когда я приоткрыл дверь, чтобы его выпустить, он протянул мне руку, и я охотно пожал ее.

— Ничего, если время от времени я буду позванивать вам? — робко спросил Уэллман. — Просто узнавать, нет ли чего нового? Я постараюсь не слишком надоедать, но вы уж извините, я очень настырный.

— В любое время, — заверил его я. — Я всегда готов сказать: «Ничего нового».

— Он ведь и в самом деле хороший сыщик, да? Я спрашиваю про мистера Вулфа.

— Лучше не бывает. — Я постарался вложить в голос максимум убежденности.

— Ну что ж... Тогда будем надеяться... — Уэллман вышел на крыльцо, продуваемое леденящим западным ветром, и я подождал, пока он не спустится на тротуар. В подобном состоянии ему ничего не стоило загреметь вниз по всем семи ступенькам.

Вернувшись в прихожую, я задержался на миг перед дверью в кабинет и принялся. Я знал, что Фриц готовит свиные ребрышки под соусом, который они придумали вдвоем с Вулфом, и, хотя дверь на кухню была закрыта, мой нос все же учуял волшебный аромат. Войдя в кабинет, я увидел, что Вулф сидит с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла. Я взял чек Уэллмана, полюбовался на него и запер в сейф, потом подошел к столу Вулфа, чтобы еще разок взглянуть на фотографии Джоан Уэллман. Да, судя по снимкам, с ней было бы приятно познакомиться.

— Если вы работаете, — произнес я, — то пора завязывать. Через десять минут обед. — (Глаза Вулфа приоткрылись.) — Ну так что у нас: убийство или нет? — поинтересовался я.

— Конечно убийство. — В голосе Вулфа прозвучала спесь.

— Ага. Нам везет. А почему? Из-за того, что она не могла разгуливать по этому парку в феврале?

— Нет! — презрительно хмыкнул он. — Уж тебе-то следовало бы знать почему.

— Мне? Благодарю покорно. А почему мне?

— Эх, Арчи, Арчи! Столько лет я учу тебя быть наблюдательным. Ты распустился. Недавно мистер Кремер показывал нам список имен на листке бумаги. Седьмым по счету шел Бэйрд Арчер. В тот вечер, когда ее убили, мисс Уэллман должна была встретиться с человеком по имени Бэйрд Арчер. Леонарда Дайкса, который составил этот список, тоже уби-

ли. Было бы очень глупо не предположить, что мисс Уэллман пала от рук убийцы.

Я круто повернулся, шагнул к своему вращающемуся креслу и уселся лицом к Вулфу.

— Ах, вот вы о чем, — небрежно бросил я. — Я решил, что это просто совпадение.

— Пф! Ты просто прошляпил. Ты распустился.

— Хорошо, я распустился. Я не электроническая машина.

— Нет такого слова.

— Теперь есть. Я ввел его. — Я кипел от негодования. — Я же не робот. С тех пор прошло полтора месяца, а я и взглянул-то на этот список одним глазком. Вы, правда, тоже, но ведь вы — это вы. А будь наоборот? Вдруг бы я вспомнил это имя, а вы нет? Тогда я владел бы этим особняком и банковским счетом, а вы были бы у меня на побегушках. Как бы вам это понравилось? Или предпочитаете все как есть? Выбирайте.

Он фыркнул:

— Соедини меня с мистером Кремером.

— Слушаюсь. — Я развернулся к телефону и набрал номер.

ГЛАВА 3

Говоря по-простому, я отрыгнул. Если вас такое выражение шокирует, то у меня началась дисфагия. Как бы то ни было, но я решил, что Вулфу и инспектору Кремеру придется с этим примириться, — так уж реагирует мой желудок на кислую капусту. Поймите меня правильно: я вовсе не собираюсь этим гордиться, но и наступать себе на горло не позволю. Хочу, чтобы меня принимали таким, какой я есть.

Если Кремер или Вулф и заметили, что случилось, то виду никто не подал. Сидя на своем обычном месте во время вечерних заседаний в кабинете, я находился в стороне от Вулфа, высившегося над столом, и Кремера, развалившегося в красном кожаном кресле. А начался разговор с того, что Вулф любезно предложил выпить. Кремер выбрал виски с со-

довой, и Фриц доставил напитки в кабинет. Кремер отхлебнул и похвалил виски, явно не покрывив душой.

— Так вы сказали по телефону, — обратился Кремер к Вулфу, — что можете сообщить мне кое-что интересное.

Вулф отставил стакан с пивом и кивнул:

— Да, сэр. Если, конечно, вам это до сих пор нужно. В последнее время газеты перестали упоминать о Леонарде Дайксе — утопленнике, которого выловили из реки около двух месяцев назад. Вы еще занимаетесь этим делом?

— Нет.

— А что-нибудь прояснилось по нему?

— Нет, ничего.

— Тогда мне хотелось бы сначала посоветоваться с вами, поскольку дело довольно щекотливое. — Вулф откинулся на спинку кресла и устроился поудобнее. — Я стою перед выбором. Семнадцать дней назад в Ван-Кортланд-парке на безлюдной аллее нашли тело молодой женщины Джоан Уэллман, которую сбила машина. Ее отец из Пеории, штат Иллинойс, не удовлетворен тем, как полиция ведет расследование, и нанял меня. Мы беседовали с ним здесь сегодня вечером. Два часа назад он ушел, и я немедленно позвонил вам. У меня есть основания полагать, что смерть мисс Уэллман не была случайной и что ее убийство связано с убийством Дайкса.

— Любопытно, — признал Кремер. — Вы это поняли, поговорив с клиентом?

— Да. И теперь я стою перед выбором. Я могу предложить сделку вашему коллеге из Бронкса и готов раскрыть связь между обоими убийствами. Это ему, безусловно, поможет в расследовании, при условии что он согласится со мной сотрудничать, с тем чтобы заверить моего клиента, когда дело раскроют, конечно, что я заслужил свой гонорар. Или могу сделать такое же предложение вам. Поскольку дочь моего клиента убили в Бронксе, то есть на территории вашего коллеги, то, возможно, следовало связаться с ним, но, с другой стороны, Дайкса-то убили на Манхэттене. Что скажете?

— Что я скажу? — проворчал Кремер. — Нечто подобное я ожидал и не обманулся. Вы хотите, чтобы в обмен на вашу

информацию об убийстве я посулил вам помочь заработать гонорар, а если я не соглашусь, то грозите продать информацию полиции Бронкса. А если и там ваш номер не пройдет, то вы ее просто утаите? Так?

— Мне нечего утаивать.

— Черт побери, вы сами сказали...

— Я сказал, у меня есть основания полагать, что существует связь между обоими убийствами. Конечно, в своих предположениях я исхожу из определенной информации, но полиции известно все то, что известно и мне. Полицейское управление — могущественная организация. Если вы войдете в контакт с уголовной полицией Бронкса, то весьма вероятно, что рано или поздно вы придете к тем же выводам, что и я. Я хотел только сэкономить вам время и усилия. Нельзя обвинить меня в утаивании информации, когда полиции двух районов известны те же факты, что и мне.

Кремер хрюкнул от возмущения.

— Ничего, когда-нибудь... — неясно пригрозил он и снова хрюкнул.

— Я делаю это предложение, — продолжал Вулф, — чтобы помочь вам, а также потому, что дело довольно запутанное и потребует значительных усилий, а мои возможности ограничены. А условие я ставлю потому, что, случись вам с моей помощью быстро покончить с этим делом, не прибегая больше к моим услугам, не хочу, чтобы мой клиент отказался платить по счету. Я предлагаю следующее: если по завершении расследования вы придете к выводу, что убийство мисс Уэллман осталось бы нераскрытым, не обратись ко мне мистер Уэллман, то вы так ему и скажете, только ему, не журналистам.

Вулф потянулся к своему стакану и отхлебнул пива.

— Ну это меня устраивает, — заявил Кремер. — Выкладывайте.

Вулф вытер губы носовым платком.

— И еще: мистер Гудвин должен получить допуск к обоим делам — Дайкса и мисс Уэллман.

— У нас нет дела Уэллман.
— Когда я объясню вам, как связаны оба убийства, вы его затребуете.

— Это противоречит инструкциям управления.
— В самом деле? Тогда прошу прощения. Было бы обоюдовыгодно обменяться информацией, и жаль, конечно, что придется затратить много времени и денег моего клиента, чтобы раздобыть сведения, которыми вы уже располагаете, но нарушать инструкции — нет, об этом не может быть и речи.

Кремер свирепо посмотрел на него:

— Знаете, Вулф, одна из многих причин, почему вы совершенно невыносимы, состоит в том, что вы ухитряетесь так ловко ехидничать, что это не воспринимается как ехидство. И это лишь один из арсенала ваших оскорбительных приемов. Будь по-вашему, я прослежу, чтобы вы получили все сведения. Что у вас там насчет связи?

— Вы принимаете мои условия?

— Да, черт побери! Не могу же я допустить, чтобы вы умерли от голода.

Вулф повернулся ко мне:

— Письмо, Арчи.

Я достал письмо из-под пресс-папье и передал ему.

— Вот, — обратился Вулф к Кремеру, — копия письма, которое мисс Уэллман написала родителям в четверг, первого февраля. На следующий вечер, в пятницу, ее убили. — Он протянул руку, и Кремер привстал, чтобы взять письмо. — Можете прочитать его целиком, но интересующие вас сведения — в отчеркнутом абзаце.

Кремер так и впился в письмо. Читал он долго и, покончив с чтением, нахмурился. Все еще не переставая хмуриться, он взглянул на Вулфа:

— Где-то мне попадалось это имя. Бэйрд Арчер. Вам не кажется?

Вулф кивнул:

— Хотите, проверим, сколько времени у вас уйдет на то, чтобы вспомнить?

— Нет. Где же?

— В списке имен, составленном Леонардом Дайксом, который вы приносили полтора месяца назад. Оно шло седьмым по счету, а может, восьмым. Но не шестым.

— Когда вы впервые увидели это письмо?

— Сегодня вечером. Я получил его из рук клиента.

— Провалиться мне на этом месте! — Кремер вытаращился на Вулфа, потом — на подчеркнутый абзац. Затем аккуратно и не спеша сложил письмо и сунул в карман.

— Оригинал находится у вашего коллеги из Бронкса, — пояснил Вулф. — А это моя копия.

— Угу. Я одолжу ее. — Кремер поднял стакан, отпил изрядный глоток и устался на угол стола Вулфа, потом отхлебнул еще и вновь вернулся к изучению стола; так, чередуя глотки с разглядыванием стола, он осушил стакан и поставил его на маленький столик. — Что еще у вас есть?

— Ничего.

— Что вы успели предпринять?

— Ничего. Отпустив клиента, я сел обедать.

— Это уж точно. — Кремер пружинисто, словно молодой, взлетел из кресла. — Ну, я пошел. Черт побери, а ведь я уже домой топал!

Он зашагал в прихожую. Я двинулся следом за ним.

Когда я вернулся в кабинет, проводив блюстителя закона, Вулф безмятежно откупоривал очередную бутылку пива.

— Как вы отнесетесь к тому, — предложил я, — что я вызову по телефону Сола, Фреда и Орри. Вы нас надоумите, как действовать, и мы назначим срок, допустим завтра на рассвете, для раскрытия обоих преступлений. То-то мы утрем нос Кремеру.

— Не заносись, Арчи! — сердито зыркнул на меня Вулф. — Все далеко не так просто. Люди мистера Кремера пусть и не очень рьяно, но разыскивали Бэйрда Арчера целых семь недель. Полицейские из Бронкса занимались расследованием семнадцать дней. Теперь они примутся за поиски по-настоящему. А вдруг Бэйрд Арчер вообще не существует?

— Но мы-то знаем, что он существовал достаточно для того, чтобы назначить свидание Джоан Уэллман на второе февраля.

— Нет. Мы знаем только, что она написала родителям про незнакомца, который представился по телефону Бэйрдом Арчером и рассказал про свою рукопись, направленную в издательство, прочитанную мисс Уэллман и возвращенную по почте Бэйрду Арчеру, до востребования. — Вулф покачал головой. — Нет, Арчи, быстрой победы здесь ожидать не приходится. Боюсь, пока мы доберемся до конца, мистер Уэллман и впрямь пойдет по миру, если, конечно, не откажется от помыслов о мести. Пусть полиция сделает все, что в ее силах.

Я слишком хорошо знал его, поэтому мне такое объяснение не понравилось.

— Опять вы будете сидеть и ждать? — упрекнул его я.

— Нет. Я только сказал: пусть полиция сделает все, что в ее силах. Это очень серьезная работа. Мы будем исходить из предположения, вполне оправданного на мой взгляд, что мисс Уэллман в письме родителям не погрешила против истины. Если так, тогда в этом письме есть еще кое-что полезное для нас помимо имени Бэйрда Арчера. Он спросил ее, читал ли еще кто-нибудь рукопись, и мисс Уэллман ответила, что нет. Возможно, вопрос был вполне невинный, но в свете случившегося он наводит на размышления. Погибла ли она из-за того, что прочитала рукопись? Это отнюдь не праздное предположение. Как думаешь, сколько в Нью-Йорке стенографисток? Или, например, на Манхэттене?

— Не знаю. Пятьсот. А может, пять тысяч.

— Только не тысяч. А людей, которые делают качественные копии документов или рукописей с черновиков?

— Так это же машинописные бюро, а не стенографистки.

— Очень хорошо. — Вулф отпил пива и уселся поудобнее. — Сначала я думал предложить это мистеру Кремеру, но коль скоро нам все равно предстоит потратить часть денег мистера Уэллмана, то можем начать и отсюда. Мне хотелось бы знать содержание романа. Бэйрд Арчер мог напечатать рукопись сам, а возможно, и нет. Сол, Фред и Орри возьмут на себя машинописные бюро. Собери их завтра в восемь утра, и я их проинструктирую. Так мы сумеем не только выяс-

нить содержание романа, но и заполучить словесный портрет Бэйрда Арчера.

— Ясно! — Теперь все становилось на свои места. — Я бы тоже не прочь поразмяться.

— Дойдет и до тебя. Есть надежда, хотя и небольшая, что Бэйрд Арчер пытался пристроить роман в другое издательство. Во всяком случае, попытаем счастья. Начнешь с более известных фирм, класса «Шолл энд Ханна». Только не с завтрашнего дня. Завтра выбери все, что только можно, из дел мисс Уэллман и Дайкса в полиции. Например, была ли пишущая машинка в квартире Дайкса?

Я поднял бровь:

— Вы считаете, что Дайкс был Бэйрдом Арчером?

— Не знаю. Он составил список этих имен, причем, безусловно, вымышленных. Второго февраля он, конечно, не мог быть Бэйрдом Арчером, поскольку был убит за пять недель до этого. Загляни и в «Шолл энд Ханна». Несмотря на сведения, которые сообщила мисс Уэллман в письме родителям, я допускаю, что кто-то еще мог прочитать рукопись или хотя бы видел ее. Или мисс Уэллман могла поделиться своими впечатлениями о ней с кем-то из коллег. Или, наконец, что маловероятно, Бэйрд Арчер мог принести рукопись в издательство собственноручно, и тогда кто-нибудь его припомнит... хотя, конечно, с осени уже много воды утекло... — Вулф тяжело вздохнул и потянулся за стаканом. — Пожалуй, тебе следует продлить срок — к завтрашнему рассвету нам не успеть.

— Бога ради, — великодушно согласился я. — Продлеваю до пятницы.

Хорошо еще, что я не сказал, до какой пятницы.

ГЛАВА 4

Во вторник с утра я натравливал Сола, Фреда и Орри на машинописные бюро, просматривал утреннюю почту и депонировал в банке чек Уэллмана, а потому добрался до офиса

Кремера на Двадцатой улице уже в одиннадцатом часу. Самого Кремера на месте не оказалось, но он проинструктировал на мой счет сержанта Пэрли Стеббинса. Я один из немногих знакомых Пэрли, о которых у него не сложилось четкого мнения. Поскольку я частный детектив, то чем быстрее я отброшу копыта или хотя бы перестану мозолить порядочным людям глаза, тем, естественно, лучше — это главное, но где-то в глубине души Пэрли точит червь сомнения: а вдруг я стал бы неплохим полицейским, если бы меня вовремя поставили на путь истинный?

Мне удалось не только ознакомиться с делами, но и переговорить с полицейскими, занимавшимися ими: с двумя по делу Дайкса и с одним из Бронкса по делу Джоан Уэллман. Ушел я почти в три, унося много ценной информации в блокноте и еще больше — в голове.

Вот вкратце, что я разузнал. Леонард Дайкс, сорока одного года, тело которого, зацепившееся за сваю, выловили из Ист-Ривер в первый день нового года, в течение восьми лет работал доверенным делопроизводителем, а не адвокатом в юридической конторе «Корриган, Фелпс, Кастин и Бриггс». Еще около года назад контора именовалась «О’Мэлли, Корриган и Фелпс», но О’Мэлли лишили практики, произошла реорганизация. Дайкс был холост, отличался здравым умом, преданностью и хорошо разбирался в делах. Каждый вторник вечером играл по мелочи в карты с друзьями. Имел двенадцать тысяч долларов в ценных бумагах, банковский счет, а также тридцать акций «Юнайтед стейтс стил», которые отошли по наследству его замужней сестре, живущей в Калифорнии, единственной близкой родственнице. Врагов и завистников не было. «Знакомств женского пола не имел» — гласила фраза в одном из донесений. К делу были приложены один снимок, малопривлекательный, сделанный, когда труп выловили из реки, и фотография живого Дайкса в его квартире. Объективности ради замечу: до того как утонуть, Дайкс выглядел симпатичнее. Немного, правда, пучеглазый, да и скошенный подбородок не слишком его красил.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЧИТАВШЕМУ – СМЕРТЬ

Перевод А. Санина и Н. Емельяниковой 5

ТРОЙНОЙ РИСК

Перевод Д. Попова

Не рой другому яму 227

Убийство полицейского 293

Малый и обезьянка 369

ИГРА В ПЯТНАШКИ

Перевод Д. Попова 449